

Изъ Подольской старины.

аштатный протоіерей Подольской епархіи Михаилъ Ивановичъ Ковальскій, почти уже восьмидесятилѣтній старецъ, при своей замѣчательной, живой памяти весьма искусный и занимательный рассказчикъ. О. протоіерей—точно живая лѣтопись Подоліи! Слушаешь его рассказы изъ далекаго прошлаго, и передъ глазами встаетъ вереница лицъ и событій самыхъ разнообразныхъ, начиная съ 30-хъ годовъ минувшаго столѣтія. Тутъ и своеобразный бытъ подольскаго духовенства, еще не вполнѣ отрѣшившагося отъ своего уніатскаго прошлаго, и дореформенная бурса со всѣми ужасами, и подольскіе владыки, и польскіе паны, крестьяне и окраинное чиновничество!..

Жаль было бы, если бы этотъ богатый матеріалъ остался неиспользованнымъ! Вотъ почему мы рѣшились помѣстить воспоминанія о. протоіерея на страницахъ „Русской Старины“. Постараемся, насколько это окажется возможнымъ, сохранить языкъ и манеру изложенія самаго рассказчика.

I.

Мое происхожденіе.—Родственники-католики.—Моя родина.—Благосостояніе отца.—Тяжба его съ помѣщикомъ Рациборовскимъ.—У преосвященнаго Кирилла.—Уніатскій символъ.—Переходъ отца на другой приходъ.—Объединеніе отца.—Рациборовскій масонъ.—Ромъ изъ его погребя для архіерейской службы.—Замужество сестры.

По дѣду нашъ родъ былъ издревле православнымъ. Отецъ моей бабки, Жуковскій, былъ уніатскій священникъ. Приходъ его

былъ с. Олексинцы, Проскуровскаго уѣзда. Онъ былъ человѣкъ почтенный, уважаемый и занималъ должность уніатскаго оффиціала— въ родѣ нашего благочиннаго. Дочерей же своихъ онъ отдалъ за мужъ за православныхъ священниковъ. Тогда еще не было той рѣзкой грани, той фанатической нетерпимости между духовенствомъ православнымъ и уніатскимъ, какія явились впоследствии, благодаря административному давленію правительства въ пользу православія и уничтоженію уніи, заставившему многихъ уніатовъ перейти въ католичество.

Поэтому, даже въ семьяхъ священниковъ не рѣдкость было встрѣтить совмѣстное сожительство православныхъ съ уніатами. Послѣдніе, правда, успѣвшіе уже заразиться шляхетскимъ гоноромъ, относились къ православнымъ нѣсколько свысока. Были и такіе, которые совсѣмъ окатоличились и ополячились и ко всему русскому и православному относились съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Такъ, въ дѣтствѣ я помню двухъ сыновей моего прадѣда, родныхъ братьевъ моей бабки Леона и Яна. Они служили въ польскихъ жолнерахъ и принимали участіе въ польскомъ возстаніи 33-го года. Послѣ подавленія возстанія они возвратились на родину уже стариками и пріютились у моего дяди по отцу, а своего племянника, православнаго священника. Жили они въ куренѣ, на пчельникѣ и съ православной родней избѣгали всякихъ сношеній. Обычно лѣто и зиму они ходили въ старыхъ нагольныхъ тулупчикахъ. Впрочемъ, въ праздникъ они принаряжались. Надѣвали цвѣтные кунтуши съ позументами, а съ боку привѣшивали длинныя сабли. Я старательно избѣгалъ всякихъ встрѣчъ съ ними, такъ какъ кромѣ ругательствъ и окриковъ ничего отъ нихъ не слышалъ. Бывало, пошлетъ меня дядя къ нимъ просить на завтракъ или обѣдъ. Робко я приближаюсь къ нимъ и прерывающимъ голосомъ говорю: „Стрыйца прѣсилъ дядунивъ на снѣдання“ (дядя просилъ дѣдушекъ на завтракъ) и въ отвѣтъ получаю: „иць пречь, попикъ пшеклентый“ (иди прочь, попенокъ проклятый) или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Родился я въ с. Думановѣ, Каменецкаго уѣзда, приходѣ моего отца, священника, въ 1827 году. Думановѣ, Шатаева, Маковъ и др. села составляли одинъ помѣщичій „ключъ“ и принадлежали богатому польскому пану Рациборовскому. Отецъ мой былъ человѣкъ по тому времени зажиточный. Было у него пней 200—300 пасѣки, очень много рогатаго скота, свиней и 20 лошадей. Между послѣдними была одна, которая называлась „дьячихою“. Ее подарилъ моему отцу его бывшій дьячекъ за повѣнчаніе его передъ рукоположеніемъ его во священника. Было у отца и денегъ рублей 500, что считалось тогда въ нашемъ духовномъ быту большимъ капита-

ломъ. Жалованья въ то время духовенство не получало, доходовъ отъ полунищихъ прихожанъ - хлоповъ почти никакихъ не было. Все же благосостояніе отца нажито было большимъ трудомъ въ области сельскаго хозяйства, да крайнею бережливостью и умѣренностью... Духовенство жило тогда въ большой простотѣ, приближаясь въ своей жизни къ зажиточнымъ крестьянамъ.

Нашъ подцерковный домъ была также крестьянская хата маленькая, съ низкими потолками и крошечными окнами, съ земляными полами, раздѣленная большими сѣнями на двѣ половины: кухню и чистую половину, состоящую изъ горницы съ другою маленькою комнаткою. По образу жизни духовенство также мало чѣмъ отличалось отъ крестьянъ. Само работало въ полѣ: пахали, косили, жали. Просто ѣли и пили наши дѣды и отцы, просто и одѣвались. У моего отца была баранья шуба, крытая сукномъ. Это было уже признакомъ зажиточности. У него же была и шелковая ряса. А это ужъ была роскошь, объясняемая тѣмъ, что шуринъ моего отца священствовалъ въ пограничномъ мѣстечкѣ Гусятинѣ, гдѣ процвѣтала всякаго рода контрабанда, и гдѣ легко было за дешевую цѣну пріобрѣтать всякіе заграничные товары. Мать же одѣвалась такъ, какъ шляхтянка, т. е. немного лучше простой крестьянки. Но скоро насталъ конецъ и нашему благополучію и спокойной жизни. Тогда была самая темная пора крѣпостничества, „панщины“. Чего, чего только не дѣлали самодуры-паны надъ бѣдными хлопами. Нашъ помѣщикъ Рациборовскій былъ изъ лютыхъ лютый. Нерѣдки были и такіе случаи, когда онъ на смерть засѣкалъ своихъ крѣпостныхъ. Отецъ, который близко стоялъ къ своимъ прихожанамъ, и котораго они любили и почитали, приходя къ нему дѣлиться своимъ безысходнымъ горемъ и искали у него, какъ служителя церкви, утѣшенія, не могъ стерпѣть жестокаго издѣвательства помѣщика. О жестокомъ обращеніи его съ крѣпостными отецъ подалъ жалобу въ судъ. Нужно было много мужества, чтобы въ то время, въ положеніи отца, при забитости и приниженности православнаго духовенства, при всеобщей продажности и взяточничествѣ чиновниковъ, изъ которыхъ добрая половина была—католики, при легендарной теперь судебной волокитѣ начать дѣло въ судѣ съ богатымъ и сильнымъ польскимъ магнатомъ. Можетъ быть поводомъ къ жалобѣ отца были и мотивы личнаго неудовольствія на помѣщика, но главной причиной было возмущенное чувство отца за страданія своихъ пасомыхъ. И вообще образъ отца сохранился въ моей памяти, какъ образъ человѣка правдиваго, пылкаго и твердаго.

Началось дѣло, которое тянулось много лѣтъ и кончилось уже послѣ смерти отца. Конечно, Рациборовскій ничего не жалѣлъ,

чтобы выгородить себя изъ этого дѣла, а отцу нанести какъ можно больше непріятностей. Задаривались всѣ чиновники и свѣтскіе и духовные, имѣвшіе какое-либо отношеніе къ дѣлу. Разсказывали, что по субботамъ цѣлые воза всякаго добра тянулись изъ Думанова на архіерейскій дворъ. Вѣроятно, посулы эти принимались архіерейскою челядью помимо воли владыки. Помню также, что тогда много толковали о четверкѣ великолѣпныхъ, англазованныхъ лошадей, подаренныхъ Рациборовскимъ подъ архіерейскую карету.

Отца каждую недѣлю вызывали въ Каменецъ по заведенному имъ дѣлу. И вотъ начались тяжелые дни для него и для всей нашей семьи.

Скоро начало таять состояніе, нажитое съ такимъ трудомъ, появилась въ нашей семьѣ постоянная тревога и безпокойство. Такъ какъ благосостояніе духовенства въ то время зависѣло отъ благосостоянія прихожанъ, а эти послѣдніе были въ полномъ подчиненіи у помѣщика, то и каждый приходскій священникъ зависѣлъ отъ своего помѣщика. Да безъ согласія послѣдняго и само епархіальное начальство не опредѣляло священника на приходъ. Поэтому, нужно себѣ представить, что приходилось терпѣть отцу отъ пана Рациборовскаго. Разъ, напримѣръ, когда отца вызвали въ Каменецъ, гдѣ онъ и пробылъ нѣсколько дней, Рациборовскій лишилъ насъ „огня и воды“, т. е. поставилъ къ нашему дому двухъ дюжихъ молодцовъ, которые не допускали въ нашей хатѣ разводить огонь, ничего ни печь, ни варить и приносить воду для семьи и для скота. Выручила насъ слѣпая нищенка Параска, которая раньше часто находила пріютъ въ нашемъ домѣ. Она каждый день собирала кусочки, приходила къ намъ и кормила насъ, а скотъ мать выпускала каждый день изъ воротъ, и онъ самъ направлялся на рѣку Смотричъ. Возвратившійся отецъ прогналъ, конечно, помѣщичій караулъ. Нѣсколько лѣтъ уже вель отецъ тяжбу съ паномъ. Страшно пзмучившись и физически и нравственно, не имѣя возможности добиться правды, забралъ онъ однажды все семейство и отправился съ нами въ Каменецъ-Подольскъ. Не знаю, вызвалъ ли отца владыка, самъ ли онъ вздумалъ къ нему явиться, но только по пріѣздѣ всѣ мы направились въ архіерейскій домъ. Подольскую кафедру занималъ тогда архіепископъ Кирилль (Богословскій-Платоновъ), отличавшійся, а особенно въ то суровое время, замѣчательною добротою и мягкостью обращенія и очень любимымъ духовенствомъ, которое говорило про него уже послѣ его смерти: „Кирилль—всѣхъ мирилъ“.

Недолго пришлось намъ ожидать въ передней архіерейскаго дома. Вскорѣ къ намъ вышелъ самъ „благостный“ Кирилль въ подрясникѣ и скуфейкѣ.

Я никогда не забуду ни его чистаго, бѣлаго и нѣжнаго лица съ добрыми глазами, ни его ласковаго, задушевнаго голоса. Играло ли роль здѣсь дѣтское воображеніе или и на самомъ дѣлѣ преосвященный употреблялъ духи, но мнѣ показалось, что отъ всей его фигуры исходить какое-то особое благоуханіе. Пахло и отъ его тонкой, бѣлой руки и даже отъ его расшитой туфли, когда мы всѣ вмѣстѣ съ отцомъ припали къ его ногамъ. Отецъ заговорилъ горячо и сильно. Вся горечь измученной страданіями души вылилась въ его словахъ. Преосвященный старался успокоить его. Въ моей памяти хорошо сохранились слѣдующія слова владыки Кирилла: „Отецъ Іоаннъ! Будь такъ добръ, уйди съ глазъ врага. Онъ сильнѣе тебя, онъ тебя заѣстъ“. Очевидно, рѣчь шла о томъ, чтобы перейти отцу на другой приходъ, отъ чего онъ рѣшительно отказывался. Преосвященный началъ спрашивать про всѣхъ насъ. Обо мнѣ отецъ сказалъ, что я умѣю уже читать. Въ рукахъ у меня былъ старый, засаленный, съ вырванными въ началѣ листами уніатскій букварь. Преосвященный заставилъ меня читать по немъ „вѣрую“. Я довольно бойко началъ: „Вірую“ и т. д. Когда я дошелъ до 8-го члена и ничтоже сумняся прочелъ: „отъ отца и сына исходящаго“, владыка вдругъ весь измѣнился. Страдальческое выраженіе появилось на его прекрасномъ лицѣ. „Что это?“ воскликнулъ онъ. „Какъ, ребенокъ православнаго священника—читаетъ уніатскій символъ“. Тутъ только онъ обратилъ вниманіе на букварь и спросилъ отца: почему онъ не купилъ мнѣ православнаго букваря и какъ это онъ допустилъ меня заучить символъ по-уніатски. Отецъ оправдывался недосугомъ, и что православныхъ книжекъ негдѣ достать. Тогда владыка вынулъ два двухзлотника (двухзлотникъ—монета въ 30 к.) и подалъ ихъ мнѣ и велѣлъ купить „русскій московскій катехизисъ Филарета“. Отецъ такъ и сдѣлалъ. Я началъ учить эту книгу подрядъ и вопросы и отвѣты и вскорѣ выучилъ его наизусть.

Визитъ отца къ архіерею и убѣжденія этого послѣдняго не остались все-таки безрезультатными. Отецъ помѣнялся со священникомъ с. Божиковецъ Летичевскаго уѣзда—Лапчинскимъ, который водилъ еще хлѣбъ-соль съ моимъ дѣдомъ и былъ стариннымъ знакомымъ нашимъ. И вотъ мы переѣхали на новый приходъ. Но Лапчинскій, побывавшій въ Думановѣ и уже успѣвшій разсориться съ Радиборовскимъ, вернулся снова въ Божиковцы, занялъ священнической домъ и не хотѣлъ выходить изъ него, и намъ долгое время пришлось помѣщаться въ хатѣ у дьячка. На новый приходъ отецъ перешелъ еще довольно зажиточнымъ человѣкомъ, хотя нѣсколько лѣтъ тяжбы порядочно растрясли его карманы. Но тяжба продолжа-

лась и на новомъ приходѣ въ конецъ раззорила отца, который дошелъ до такой бѣдности, что продалъ даже ковры, вытканые у насъ дома, продалъ даже двѣ маминныхъ „сукни“ (платье).

Рациборовскій уже давно хотѣлъ съ нимъ помириться, предлагалъ ему 500 р., но отецъ и слышать не хотѣлъ о мирѣ. Уже послѣ смерти отца прошелъ слухъ, что разбирать дѣло, затѣянное отцомъ, призжалъ изъ Петербурга какой-то важный генералъ, и что Думановъ былъ отнятъ у Рациборовскаго и переданъ въ казну. Про этого же Рациборовскаго рассказывали, что онъ былъ масонъ или какъ говорили крестьяне „фармазонъ“. Въ одномъ изъ своихъ имѣній, Шатавѣ, онъ построилъ церковь совершенно особой архитектуры, всю круглую, безъ угловъ и называлъ ее не церковью, а круглымъ домомъ.

Послѣ смерти отца семейство наше страшно бѣдствовало. Меня взялъ къ себѣ дядя, братъ отца, который и отдалъ меня продолжать науку къ своему сосѣду священнику Тарногородскому, который держалъ у себя нѣчто въ родѣ частнаго пансіона для подготовленія дѣтей духовенства въ бурсу. Онъ былъ самъ человекъ небольшого образованія—прошелъ лишь духовное училище—поэтому сообщить своимъ ученикамъ многого не могъ, но четыре правила ариѳметики, правда безъ разсужденій, чисто механически, я все-таки усвоилъ.

Между тѣмъ въ виду бѣдственнаго положенія нашего семейства за матерью былъ почисленъ приходъ с. Липовка, Проскуровскаго у. до тѣхъ поръ, пока не подрастетъ сестра. Требы въ Липовкѣ исправлялъ сосѣдній священникъ, а половина дохода и урожая съ церковной земли шли въ пользу матери. Такъ было до тѣхъ поръ, пока не подросла сестра. Когда ей исполнилось 15 лѣтъ, нашелся женихъ, нѣкто Мончинскій, послушникъ архіерейскаго дома, человекъ малограмотный и недалекій. Когда передъ рукоположеніемъ онъ читалъ въ церкви, то оказалось, что онъ еле бредетъ. Даже благодушный владыка Кириллъ разсердился и сказалъ ему: „А ты, дуракъ, и читать не умѣешь? Ну, да Богъ съ тобой, беру тебя на свою совѣсть“. Мать переѣхала съ семьей къ зятю. Но не сладко жилось ей у него: онъ оказался человекомъ грубымъ и горькимъ пьяницей.

В. Сл. и Ѳ. Ф—ко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

